

---

---

А. Ю. ОГОРОДНИКОВ

## ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ\*

*Целью работы является обнаружение внеситуативных показателей социального единства, рефлекслируемых философами России начиная с XIX в. по настоящее время. Для достижения цели в каждом историческом периоде (XIX в., первая половина XX в., современная философия) выделены основные направления, условия и показатели единства. Затем были установлены те из них, которые сохраняются, несмотря на исторические перемены, катаклизмы XX в. Объектом исследования является философская мысль, в которой эксплицированы параметры и маркеры социального единства российского общества, предметом – механизм воспроизводства социального единства. Актуальность статьи обусловлена неточностью описания единства российского народа, отсутствием четких критериев устойчивой долгосрочной интеграции, недостаточностью систематизации исследований в рамках данной проблемы. В результате исследования были обнаружены смысловые константы социального единства. К ним относятся сакральный характер объединения, обусловленный целью духовного развития и спасения всего человечества; осознание самоорганизации общества через общие символы и мотивации, в которых ядром является личностное доверие, свободное включение, эмпатия; поиск или ожидание личности-субъекта единения, высокая степень доверия ей, при условии проявления субъектом свойств кротости, жертвенности, способностей к аскетизму, эмпатии, альтруизму.*

**Ключевые слова:** социальное единство, интеграция, ценности нации, русская философия, сплочение общества, преодоление социальных конфликтов, соборность, смысловые константы интеграции.

*The aim of the article is to define non-situational indicators of social unity, as reflected by philosophers of Russia starting from the 19<sup>th</sup> century to the pre-*

---

\* **Для цитирования:** Огородников А. Ю. Показатели социального единства в русской философии // Философия и общество. 2026. № 3. С. 61–79. DOI: 10.30884/jfio/2026.03.03.

**For citation:** Ogorodnikov A. Yu. Indicators of Social Unity in Russian Philosophy // *Filosofiya i obshchestvo* = Philosophy and Society. 2026. No. 3. Pp. 61–79. DOI: 10.30884/jfio/2026.03.03 (in Russian).

*sent. To fulfill this objective, the main directions, conditions and indicators of unity are defined for each historical period (the 19<sup>th</sup> century, the first half of the 20<sup>th</sup> century, and modern philosophy). Then we distinguished the ones that persist despite the historical changes and cataclysms of the 21<sup>st</sup> century. The object of the research is a philosophical thought that expresses the parameters and markers of social unity of Russian society; the subject is the reproductive mechanism for social unity. The relevance of the article arises from the inaccurate descriptions of the unity of the Russian people, the lack of clear criteria for sustainable long-term integration, and the lack of systematization of research within the framework of this problem. The present research has allowed discovering the semantic constants of social unity. They include the sacred nature of unification, conditioned by the cause of spiritual development and salvation of all mankind; awareness of the self-organization of society through common symbols and motivations with personal trust, free inclusion and empathy being the core; the search or expectation for a uniting subject-personality, a high degree of trust to this personality if he or she shows the properties of meekness, sacrifice, the ability to asceticism, empathy, and altruism.*

**Keywords:** *social unity, integration, values of the nation, Russian philosophy, social cohesion, overcoming social conflicts, conciliarity, semantic constants of integration.*

### **Введение**

Социальное единение народа, общества – многогранный, часто непредсказуемый процесс. За кажущимся согласием могут стоять опасные для общества противоречия, а острые споры могут вести к социальной сплоченности. В истории многих государств, в том числе и России, внутренние или внешние конфликты в некоторые исторические периоды приводили к сплочению сил нации, а иногда и к социальным расколам, ставящим страну на край пропасти. Цель данной статьи – не просто углубиться в мысли русских философов о факторах единства, а кристаллизировать представления о социальном единстве, его смысле, последствиях, архетипически включенных в интеллектуальную среду России, затем эксплицировать общие для большинства мыслителей концепты социального согласия как константы социального воспроизводства российского общества.

Определение методологических опор и параметров единства народа, общих для крупнейших русских философов XIX–XX вв., позволит нам выстроить систему герменевтических индикаторов для анализа текстов мыслителей современной России, найти у них, возможно в измененной форме, константы социального воспроиз-

водства. Нам могут возразить, указав на возможный разрыв позиций группы интеллектуалов и иных социальных групп, далеких от философского дискурса. Тем более что мыслители часто ошибались в определении того, какие цели, ценности, концепты объединяют общество. Но мы намерены обнаружить не конечные выводы философов разных эпох и направлений по этой проблеме, а те смысловые конструкты, которые позволяют им описать единство, найти в них общее, что дает возможность говорить о единстве, придать ему смысл.

Прежде чем приступать к исследованию, уточним важные для нас понятия. Социальное единство мы понимаем как выраженную установку у двух третей и более членов общества к поддержанию основных институциональных условий взаимодействия и сосуществования в группе, проявляющуюся как непротиворечие личностных и групповых целей или регулярное ожидаемое преодоление их противоречий [Сомкин 2009]. Важно отметить, что мы рассматриваем не любую групповую сплоченность, а именно интеграцию вокруг институционального порядка, позволяющего говорить о целостности общества. В социальном взаимодействии и дискурсе единство проявляется в социальном согласии, под которым мы подразумеваем тождественную у членов группы интерпретацию и оценку значимых для группы событий, целей и смыслов объединения, рисков и средств воспроизводства социальной целостности. В статье мы будем говорить о разных формах социальных целостностей, о государстве, нации, обществе, социальных стратах и др.

### **Концепт социального единства в русской философии XIX в.**

Уже в XIX в. социальное единство понималось русскими философами по-разному, в связи с чем давались разные прогнозы относительно устойчивости Российского государства. **Первое направление** философской рефлексии выделяет религиозный тип интеграции, основанный на христианстве, на вере в промысел Бога, его попечение о каждом, в том числе через власть: «...ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» [Рим. 13:4]. Социальное единство образуется на основе единого догматизированного сакрального смысла социальных конструктов. Поскольку такие смыслы привязаны к системе

исповедания веры, то масштаб интеграции ограничен сложившимися традициями веры и следующими из них практиками.

При таком подходе условием согласия является не абстрактная вера, а порождаемая ею система социальных установок, проявляющихся в семейной жизни, социальной иерархии, искусстве, отношении к государству, к иным народам. Ценности, представления о пользе, о целях развития общества являются вторичными по отношению к повседневным практикам взаимодействия, в которых находится сакральный смысл, уверенность в должном порядке, в своем достоинстве. Скептицизм или общечеловеческие благо и ценности, напротив, размывают согласие, вносят неуверенность в социальную идентификацию, тем самым создавая риски для легитимации социального порядка: «Идея всечеловеческого блага, религия всеобщей пользы, – самая холодная, прозаическая и вдобавок самая невероятная, неосновательная из всех религий» [Леонтьев 2005: 332]. Только конкретность восприятия реальности и интерпретации происходящего в системе координат религии образуют общие смыслы сохранения существующего порядка или единое понимание векторов его изменения.

Данное направление философской мысли решило важную задачу установления связи единства и религии как системообразующего начала культуры. Но включенные в него мыслители не смогли объяснить существенные, порой радикальные отличия интеграции в России от объединения других христианских государств. Ими до конца не установлена особенность объединяющего религиозного чувства в российском обществе.

**Второе направление** философской мысли дополняет первое обнаружением специфических для России осознаваемых смыслов интеграции. Его приверженцы исходят из поиска особого типа рациональной рефлексии социального объединения. Например, И. В. Киреевский видит в основе общества тип рациональности, который определяет механизм принятия решений в обществе, отношение к личности, к социальным стратам, к заслугам. Он сравнивает формальный рационализм западных обществ и внутренний духовный разум, характерный для российского общества, в котором предполагает множественность жизненных миров, объединенных всеобъемлющими обычаями, основанных на согласии с общей идеей созидания Церкви, на общем служении, равно объединяющем всех от царя до любого простолюдина, на общей вере в обычай, «который заменял закон, устраивая по всему пространству земель, подвласт-

ных нашей Церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни» [Киреевский 1979: 149].

Более многогранно понимал рефлексию народом социального единства А. С. Хомяков. Он проникает глубже в переживания человека, порождаемые религиозным чувством, характерным для большинства членов общества. Мыслитель одним из первых в русской философии указывает на параметр согласованности у всех социальных групп представлений о связи религиозного чувства и территории, Родины, особенностей своего образа жизни [Хомяков 1900]. К данному направлению можно отнести и Н. И. Кареева, который видел генезис народа в асимметричном характере его взаимодействия с другими. Одни народы более развиты культурно, духовно и больше отдают или навязывают свои ценности, другие – больше принимают. Так образуется идентификация (дающая или принимающая), влияющая на самосознание общества, видение своих отличий. Здесь интеграция носит более конкретный характер, вытекает из властных отношений.

С противоположной стороны генезис общих рациональных представлений об интеграции рассмотрел философ П. Д. Юркевич. В основание социального единства он закладывал «разумное самообладание и уважение к чужому достоинству» [Юркевич 1861: 320]. Страсти толкают почти каждого человека на вражду, на конфликт. Способность рационального преодоления страстной природы ведет к согласию. Поэтому социальная стабильность начинается с мира в душе человека, со способностью над страстями поставить голос совести и смирение перед Волей Бога. Тогда социальное единство становится христианским долгом, необходимостью для религиозной жизни. Образцом устойчивого единения, основанного на стремлении воплотить Божественную Волю, становится Церковь.

Недостатком второго направления является низкая опора на эмпирическую реальность, на четкие показатели единства, сложность использовать на практике эти идеи, чтобы понять степень социального единства в обществе. Восполнить эту неточность позволяют учения, в которых определяются формальные показатели интеграции, хотя и на философском уровне. **В третьем направлении** выводятся социальные формы общностей, обнаруживается корреляция структуры общества и самосознания, политического устройства и генезиса ценностей объединения. К основным факторам,

оформляющим группы в устойчивые общности, философы XIX в. относили служение, общинный уклад, монархическое устройство.

Активный общественный деятель и философ Ю. Ф. Самарин считал, что характер отношений сословий определяет тип их служения. Все сословия объединены этим общим делом и принципом. Служение заключается в реализации своей части общего дела по сохранению государства определенного типа и народного духа. Например, по мнению мыслителя, дворяне и крестьяне объединены общим служением, возделыванием земли. Общинный уклад, образующий повседневность большей части социальных групп, как писал К. С. Аксаков, поддерживался «живою нравственною связью между людьми» [Кошарный 2014: 96]. При такой доминанте повседневной рутинной жизни власть и политические права не являются интегрирующими факторами в России. При этом свобода в области нравственных стремлений становится крайне важной для включения механизмов самоорганизации в общине и укрепления веры в значимость социального участия.

В противоположность повседневности, внеполитичности ключевых интегрирующих ценностей ряд философов видели фокус объединения в монархическом строе, в благоговении перед монархом, монархией. Но такое подчинение монархическому духу не обязательно предполагает преклонение перед личностью монарха или иными политическими деятелями. Так, философ и общественный деятель А. И. Герцен обратил внимание на мифологичность самой идеи монархии в России. Мыслитель отмечает, что идеал не можем быть официальным, формализованным и утверждаемым кем-либо, он существует в народе только как внутреннее убеждение, например, в свободе, справедливости, сущности личности и др. [Герцен 1921: 16]

В данном направлении философской мысли удалось продемонстрировать важность бытовых, повседневных отношений, которые одухотворяются единством, общим смыслом, но не теряют своей значимости как элемент частной жизни. Не вертикальное, а горизонтальное единство, не политическое, а нравственно самоорганизуемое выступает устойчивым фактором сохранения общностей. Теперь осталось раскрыть причины генезиса установки отдельной личности на интеграцию, понять мотивационный фактор индивидуального свободного и желаемого включения в общности, в принятие уклада жизни, институционального порядка в целом. Поиском

этих факторов занялись философы **четвертого направления**, возникшего во второй трети XIX в.

Индивид формирует представление о своей полноценности, значимости для других, о верном образе жизни во многом на основе реакции значимых других, малых групп, социального одобрения. Но в XIX в. еще не было теорий «зеркального Я», «символического интеракционизма» и подобных, раскрывающих процесс социализации. Несмотря на это, философы делали удачные попытки найти особенности социализации, становления личности, характерные для определенного народа или страны. Но для нас важен другой вопрос. Как эти особенности создают общие эмерджентные свойства личности, позволяющие ей быть успешным членом общества и, как правило, не замечая того, интегрировать общества через воспроизводство социального порядка и системы ценностей?

Один из вариантов ответа на это вопрос дает мыслитель К. Д. Кавелин. Он противопоставляет процесс исторического созревания личности, ее достоинства в России и у иных народов Европы и Востока. В России стремление к войне было существенно ниже, а установка на миротворчество была существенно выше даже до принятия христианства. Центральным интегрирующим фактором в истории России до XVII в. является семья. Она вытеснила общинный характер отношений еще до IX в., и возрождение общины в XVIII–XIX вв. является скорее явлением политическим, делается сверху и создает много социальных противоречий. Семейный уклад, кровные связи, напротив, влияют на уверенность личности, на ее согласие с другими.

Согласно этим мыслям, каждый социализированный индивид способствует социальной интеграции. Но в истории мы видим примеры, когда успешные члены общества, интеллигенция, элита способствовали расколу или даже разрушению общества. Например, составы Временного правительства России 1917 г. включали князей, ученых, юристов. Субъект, конструирующий социальные общности и институты, должен видеть латентные процессы, а не поверхностные цели, ценности, ситуативные устремления масс. Только та личность, которая опирается на вершины культурного уровня, способна к преодолению своих слабостей, своей ограниченности, способствует созиданию основных для общества идей, без которых оно не могло бы существовать. Но таких личностей мало, поскольку мало кто на это способен, они незаметны, в отличие от вождей, умеющих себя популяризировать, но часто дающих бесполезные

для целого смысла. Интеграция обществ основана не на благоговении перед яркой личностью, не на декларируемых политических целях, а на духовном подвиге немногих, способных к подлинному сопереживанию, к преодолению эгоизма. Они создают смыслы, модели поведения, примеры, на которые мало кто обращает внимание, но они остаются в создании членов общества на слаборефлексируемом уровне. Именно такие смыслы и паттерны способствуют социальному единству. Это положение прослеживается у М. М. Тареева, В. С. Соловьева, П. Д. Юркевича, К. Д. Кавелина.

Завершить описание генезиса идеи единства общества в русской философии XIX в. мы хотим онтологическим видением общества, личности, сознания, проявляющимся в идее всеединства. Интеграция общества на этом уровне есть лишь частный случай проявления вселенского стремления к целостности. Наиболее полно такое видение общества раскрыто у В. С. Соловьева, хотя уже у Г. С. Сковороды, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова прослеживаются похожие идеи мирового единства как цели и свойства Вселенной, что проявляется в общностях, в соборности, в преображении личности. В. С. Соловьев рассматривает общество как проявление мировой души. Общество объединяется волевым стремлением к абсолюту. Богоподобие человека дает ему возможность осознать смысл всеединства и целенаправленно, свободно воплощать его в жизни, в рамках государства или всего человечества. Поэтому интеграция общества не предполагает обособление, она ограничивается свободными индивидуумами, способными осознать вселенскую важность единения, волевого и осознанного слияния с мировой душой.

Выделенные нами условно четыре направления философской мысли позволили определить ключевые факторы социального единства. Во-первых, сакральные, религиозный смысл интеграции, религиозного сопереживания в общности. Во-вторых, рациональные основы идентификации с общностью, выводимые из единства территории, организации принятия решений, понимания отличий от других, коллективной защиты достоинства личности. В-третьих, четкие социальные формы, структура общества поддерживается повседневностью страт, присвоением ценностей значимости личности или группы, включением в общее делание. В-четвертых, общие мотивации включения в общественную жизнь, которая понимается и как совместное достижение масштабных общих целей, и как саморазвитие, самовоспитание теми средствами, которые поднимают

на наибольшую высоту развития, доступную в данной культуре. Теперь нам предстоит понять, являются ли компоненты этих направлений смысловыми константами единства российского общества. Для этого мы проследим, какие из них сохранились в течение XX в., а какие преданы забвению.

### **Изменение идеи единства в русской философии первой половины XX в.**

XX в. дал России серьезные испытания в сохранении социального единства. Хотя общество выдержало и единство сохранилось, многие критерии согласия показали свою несостоятельность. Некоторые, напротив, прошли нитью через все катаклизмы и, несмотря на свою тонкость и латентность, продолжают влиять на согласие по сей день. В этой части статьи мы вначале рассмотрим новые философские идеи о социальном единстве, проследим их соответствие или противоречие указанным четырем направлениям XIX в., затем гипотетически укажем, какие из всех рассмотренных положений двух столетий сохраняют свою актуальность сегодня.

В XX столетии появляется аксиологическое измерение единства. В отличие от идеалов, ценности более конкретны, требуют кристаллизации в действиях и соответствия институциональным нормам. Ценности во многом определяют потребности, интенции индивида. Ценностного подхода к описанию факторов единения общества или нации придерживались Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, Г. Д. Гурвич. Философ-интуитивист видит в интеграции общества проявление универсальной мировой тенденции к абсолютной полноте бытия [Лосский 1991: 42]. Поскольку потребности членов общества разные, то и ценности, стоящие за ними, входят в противоречия, могут в одних ситуациях быть конструктивными, способствующими развитию, в других – деструктивными. Но если иерархия социальных ценностей на своей вершине имеет абсолютные ценности, то они гармонизируют все другие уровни.

Н. А. Бердяев считает не только возможным, но и необходимым синтез консервативных и новаторских ценностей в генезисе чувства общей миссии и общей исторической памяти. Творческое созидание настоящего свободными индивидуумами обнаруживает у них общую цель, общий идеал, что и лежит в основе социального объединения. Вершина социального единства, нация, возникает в момент осознания общей исторической судьбы и вместе с тем отличия от судьбы других народов и наций. Г. Д. Гурвич рассматри-

вал интеграцию через призму создания единой ценностной среды, в которой «человек актуализирует свою свободу в социуме в условиях определенной культуры и может осуществить свободное действие, только будучи участником культурного развития» [Загирняк 2022: 39]. Так возникает трансперсонализм, синтезирующий единичную и коллективную волю.

Другим веяньем XX в. стало антропологическое отношение к культуре, когда в ней видится живой, практический материал, близкий по духу личности, по мере освоения которого формируется опыт индивидуализации, становления личности. В самобытной, уникальной культуре каждого народа дается модель опыта самоконструирования личности. Тогда развитие культуры не подавляет, а, напротив, создает индивидуальное разнообразие, формирует в человеке чувство своей значимости для целого, для культуры, народа. Унификация, коллективизация, так же как и космополитизация (или глобализация), замещают механизмы социальной интеграции обезличиванием, деиндивидуализацией, растерянностью. Такую важную роль культуры в единстве общества, народа видели П. Б. Струве, Н. С. Трубецкой, С. Л. Франк. Один из ярчайших общественных деятелей XX в. П. Б. Струве в основе социального единства видел национальное сознание, образуемое одним языком, верой, историческим прошлым. Высшей степенью единства является нация как «духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нем творимого для будущего» [Струве 1990: 248]. Мыслитель фокусирует внимание не на декларируемых ценностях, целях, идеалах, а на реальной «культурной работе», деятельности по созиданию социального порядка, на общих ожиданиях от результата.

Попытку возродить идею соборности сделал С. Л. Франк. Он отрицал две крайности интеграции: коллективизм и индивидуализм. Соборность, по его мнению, заключается в высоком уровне доверия или веры в человека, в потенциал добра в нем и ведет к тождественности элементов сознания и самосознания членов общества. Такую же задачу ухода от крайностей коллективизма и индивидуализма ставил князь-философ Н. С. Трубецкой.

Рассматривая труды русских философов XX в. по проблеме социального единства, можно выделить еще одну существенную особенность. В XIX в. наиболее масштабным объектом единства выступало государство. Отдельно единство граждан вне государства

либо не рассматривалось, за исключением авторов, симпатизирующих социализму, либо понималось лишь как этап к становлению всей полноты интеграции. Например, единство в рамках сословия приобретало смысл, только являясь частью целого. Последним могло быть только государство, но не, например, гражданское общество. В XX в. ситуация меняется, особенно после событий 1917 г. Теперь объектом единства является общество. Государство есть лишь частная форма организации. Социум имеет имманентный механизм самоорганизации, который в ряде случаев может противостоять государству или даже заменять его. Такое разделение единства у общества и у государства проявляется в трудах Г. Д. Гурвича, С. Л. Франка, П. А. Флоренского и даже И. А. Ильина.

В основе самоорганизации общества вне государственного контроля или принуждения могут быть семейные и генеалогические связи, корпоративные интересы, взаимное доверие на основе общей религиозной веры, общие культурные переживания, даже язык, как структуры общих смыслов. Например, П. А. Флоренский, как и К. Д. Кавелин, отмечал, что семья и генеалогические связи выступают необходимыми факторами понимания общего присутствия в историческом моменте. Событийность жизни тогда воспринимается не как случайный процесс, а как реализация (пусть и неточная) проектов предшествующих поколений, которым их потомки обязаны настоящим и которые им сформировали общее понимание настоящего. И. А. Ильин разделял интеграцию по типу «учреждения», необходимо требующую сильной государственной власти, и интеграцию по типу «корпорации», где ее члены свободно входят в общность, постоянно проявляют свободу, участвуют в самоорганизации, согласны с общей целью. Устойчивость таких сообществ зависит от активности их членов, степени разделения общей цели, волевых усилий членов по достижению намеченного.

### **Современный дискурс о социальном единстве**

В философии советского периода внимания социальному единству уделялось существенно меньше. Рост интереса к нему прослеживается в 1970-х и 80-х гг. Претензии на теорию, которая охватила бы все основные аспекты социальной интеграции, уже не возникают, в первую очередь из-за все большего осознания сложности, многогранности социального процесса, частой невозможности отделить существенное от малозначимого. В начале века, в спокойном мире вся сложность проблемы была еще не видна, а после

катаклизма 1917 г. видеть ее не хотелось. К концу XX в. обостряется политический дискурс, в связи с чем социально-политическим факторам присваивается наибольший вес, чего не было до этого. На какое-то время духовные составляющие отодвигаются на второй план. Но надолго от них отстраниться не удалось. Сейчас мы это продемонстрируем на примере отдельных теорий.

В. Т. Мещеряков, несмотря на свои симпатии к марксистской философии, считал основой социального единства гармонию, под которой он понимал свойство системы сохранять свою целостность, симметрию и ритм в любых динамичных процессах. Только гармония позволяет системе совершенствоваться. В. П. Тугаринов, отстаивая диалектический материализм в 1960-х и 70-х гг., не мог вывести за скобки ценности, идеи, понимая их важность в социальных объединениях. При этом ценности рассматриваются им независимо от движения материи, но сами являются регуляторами социальных отношений. И. А. Умнова-Конюхова и И. А. Алешкова раскрывают социальное единство через политико-правовые аспекты интеграции общества. Но даже на таком во многом формальном уровне механизм сплочения общества определяют, по их мнению, две группы ценностей: либеральные и традиционные. Их синтез или перевес одной группы определяет вид интеграции: патерналистской или индивидуально-демократической [Умнова-Конюхова, Алешкова 2023]. В. М. Межуев, хотя и пытается соотнести свои идеи с марксизмом, в центре цивилизационной идентичности видит ценности, согласуемые с принципом универсальности, согласно которому каждая цивилизация воспринимает себя как часть мирового единства, что определяет развитость сознания ее членов.

Для наиболее глубоких философских исследований источников единства, как и в XIX в., возвратился поиск цивилизационных, антропологических и онтологических оснований интеграции. В первом случае вновь актуализируются идеи К. Н. Леонтьева, Ю. Ф. Самарина, К. С. Аксакова, А. И. Герцена, Н. Я. Данилевского, А. С. Хомякова, В. И. Вернадского. Но законченной модели цивилизационной идентичности, маркеров идентификации с цивилизационным или культурным типом так и не разработано. Возможно, что в России такая идентичность еще не сложилась, поэтому исторически возникает большое количество внутренних социальных противоречий и конфликтов. По данным социологических исследований, приведенным в статье В. И. Пантина, от 70 до 80 % граждан страны сходятся в понимании особого пути развития России, ее уникальности,

отличия от Запада и Востока. Но каковы эти отличия? А. А. Горелов дает ответ на этот вопрос в русле видения предшествующих русских философов. Русская идея или смысл существования имеет свойства всеобщности, спасения всего мира, жертвы временного ради вечного, глубокой религиозности, ищущей Божественной благодати, приоритета духовного над материальным. Но дальше у философа разворачивается утопический проект нового этапа русской идеи, новый «духовно-социальный проект» [Горелов 2012]. Он останется глобальной религиозной миссией, но будет включать аспекты социального конструирования устойчивого общества.

При антропологическом подходе ставится важная проблема сознания человека, корреляция особенностей сознания и согласия, взаимопонимания, поддержки целей и интериоризации мотиваций. Социальная интеграция ассоциируется с изменением мышления, переходом от простого воспроизводства среды обитания к целеполаганию, постановкой общих целей, которые требуют разграничения в индивиде частного, личного и общего коллективного [Туровский 2000]. В результате, во-первых, возникает явление, обозначаемое как ноосферное сознание или «общественное сознание», в котором социальная организация видится как часть биосферной конструкции [Субетто 2009]. Во-вторых, создается общесимволическое и смысловое пространство, где одинаково интерпретируются группы знаков или символов, например партикулярные знаки (безопасности, благополучия, успеха), географические символы (природные памятники, дорожная сеть и др.), естественно-антропологические символы (семья, жилье, места встречи и др.), символы истории [Акмалова, Капицын 2013].

Онтологические основания единства выводятся из «свойства гармонии бытия» [Ахиезер 2006: 149] и «системных принципов» [Ильин, Ахиезер 1997: 256]. Показателем единства здесь служит системная слаженность процессов, отлаженность социальных механизмов самоорганизации. Но в чистом виде не удастся обнаружить ни гармонию, ни самоорганизацию на основе воспроизводства системных связей. Вся история России наполнена преодолениями противоречий расколов и дезорганизации. В этом процессе всегда государство воспринимается как антипод раскола, синкретизма социальных идей. Поэтому легитимность государства в онтологическом подходе в продолжение идей В. С. Соловьева рассматривается через декларирование идей всеобщего объединения

или мировой миссии спасения человечества. Тогда успешная социальная политика повышает самостоятельность и социальную активность граждан, что влечет за собой реализацию принципов самоорганизации, укрепление гражданского согласия [Замараева 2017].

В противовес государству как источнику восстановления социальной гармонии ряд современных философов возвратились к идее соборности, перенеся ее на современные реалии. Например, В. Ш. Сабиров видит в соборности конкретность социальной интеграции, основанной на общем понимании смысла бытия, истины, религиозной этики, которые невозможно познать, опираясь «лишь на индивидуальный опыт» [Сабиров 1995: 63]. Идеи А. С. Панарина близки концепту соборности. Он также исходит из необходимости социальной гармонии для устойчивого социального единства. Поэтому социальное объединение стоит рассматривать не как сплоченность против кого-то, не как следствие конфликта или его преодоления, а через синтез исторических инициатив социальных групп, их взаимного доверия. Принцип дара, на котором основано доверие в обществе, во многом заимствован у Марселя Мосса, изложившего его в работе «Очерк о даре» [Mauss 1923–1924].

В конце XX – начале XXI в. концепт единства общества приобретает междисциплинарный характер, вбирает в себя идеи не только философии, но и социологии, политологии, психологии. В большинстве случаев такие теории опираются на идеи западноевропейской науки. Но нам важно понять, насколько на них оказала влияние русская философия, какие признаки и факторы единства, разработанные в России, невозможно элиминировать, даже опираясь на зарубежные теории.

При исследовании социальной интеграции наиболее часто упоминаются теория солидарности Э. Дюркгейма, идея согласия М. Вебера, структурно-функциональное единство Т. Парсонса. Современный российский социолог и философ А. Б. Гофман опирается на теорию Э. Дюркгейма, но в отличие от французского социолога он не противопоставляет ценностно-нормативный порядок и исторически сложившиеся традиции. По мнению российского социолога, ценность солидарности вытекает из традиций, а ядро нормативного порядка – из обезличенного универсального авторитета правил, несводимых к интересам отдельных групп [Гофман 2013]. О. А. Кармадонов указывает на односторонность концепций солидарности Э. Дюркгейма, который не учитывает интеграцию на микроуровне в малых группах, где происходит социализация индивида. Социо-

лог С. А. Кравченко также фокусирует внимание на микроуровне. Разнообразие жизненных миров повышает самостоятельность индивида в построении идентификации, системы ключевых терминальных ценностей, интеллектуально-критического взгляда на мир [Кравченко 2006]. Интеграция становится более гибкой и неопределенной. Х. А. Барлыбаев использует дюркгеймовский подход к солидарности, но затем прививает к нему теорию Кропоткина о биологических основаниях социальной поддержки ради выживания группы. Получается оригинальный синтез объективистской трактовки сплоченности групп, где «зрелые солидарные отношения» [Барлыбаев 2018: 42] характеризуются отрефлексированным и понятным всем моделям отношений взаимоподдержки. В России такой зрелости, по мнению философа, еще нет, рефлексии недостаточно. В. Г. Федотова, одна из крупнейших в России исследователь творчества М. Вебера, видит ограниченность использования его идей для понимания российского общества. Целерациональный тип интеграции исторически не становится более весомым в российском обществе. Напротив, сохраняется существенное влияние Церкви на ценности общества, на понимание уникальности России, ее исторического пути [Кросс, Федотова 2006].

В работах, где определяется характер функционирования подсистем общества, их слаженность и непротиворечивость, часто не удается остаться в чисто объективистской парадигме. Происходит смещение предмета анализа при исследовании социальной сплоченности с чисто экономических и политических отношений на восприятие Другого к ценностям человека и человечности [Тихонова 2006]. Подчеркивается важность безусловного достоинства личности для такой интеграции общества, при которой оно бы духовно развивалось. Тогда социальное единство обусловлено не только сплоченностью по каким-либо общим признакам, но и способностью оправдывать различия, определять других как часть целого. Высокий уровень разнообразия групп в обществе может вести как к разобщенности, так и к устойчивой интеграции. Последний исход событий возникает при наличии в культуре четкого объяснения и принятия плюралистичности групп, ценностей, идентификаций [Сащенко 2022].

Политологический контекст исследования проблемы единства современного российского общества, в отличие от социологического, больше ориентирован на долгосрочные цели, которые могут

объединить общество, или риски, ставящие под угрозу доверие к этим целям. Среди ключевых направлений политики, способных объединить часть общества, выделяют воссоздание социалистического общества, переход к инновационному, но безопасному обществу, укрепление стабильности власти [Полюшкевич 2010], разоблачение политических мифов [Веретевская 2018].

В научных статьях последних 15 лет единство понимается больше инструментально, как условие социальных взаимодействий или развития индивида. Общество (народ, нация, государство) как цельность, как единый субъект почти не рассматривается, хотя в XIX в. такое видение преобладало.

### **Заключение**

Сравнение позиций философов XIX и XX–XXI вв. по основным факторам социального единства показало сохранение актуальности ряда смысловых констант о компонентах и условиях социальной интеграции. Первой является сакральный характер объединения. Включение в общее дело ради исключительно земных целей, даже масштабных, ради строительства вавилонской башни или коммунизма, быстро становится неинтересным. Длительно вес сохраняет фактор духовного вклада во все человечество, в дело его спасения, в мировую культуру. Второй константой выступает приоритет самоорганизации в интеграции общества. Его объединение основано на общих символах и мотивациях, личностном доверии и свободном включении, где преобладают горизонтальные связи, а не политические авторитеты. Одной из наиболее удачных моделей свободной духовной самоорганизации остается соборность. Она по сей день часто упоминается в научных трудах как показатель эффективного для России механизма интеграции. Третья константа – это идеал кротости и жертвенности субъекта единения. Не личностный успех, выдающиеся социальные достижения или властный характер объединяют вокруг лидера общества, а способность к аскетизму, эмпатии, альтруизму, высокой культурной зрелости помогает достижению устойчивого авторитета в обществе.

Наибольшие изменения в понимании сущности социального единства с XIX в. по современный период наиболее сильно затронули аксиологический аспект, проблему семьи и территории. Ценности, особенно декларируемые, оказались одним из наиболее уязвимых компонентов объединения. Выделить те из них, которые продолжают транслироваться с XIX в., почти невозможно. Конечно,

такие ценности-концепты, как семья, государство, справедливость, достоинство личности, безопасность и подобные, присутствуют в сознании населения России веками. Но их понимание в разных социальных группах и в разные исторические периоды существенно отличается, что ведет не к согласию, а, скорее, к разобщенности.

Внимание к семье как основе формирования личности значительно ослабевает в середине XX в. В последние 15 лет фактор семьи как примера интеграции вновь стал интересен исследователям в аспекте проявления жертвенности ради Другого. Но все же упоминание этого института встречается реже, чем в философских и социальных работах XIX и начала XX в.

Территориальные особенности, их влияние на своеобразие культуры, единство символов с последней трети XX в. почти не рассматриваются как условие единства. Актуальность территориального фактора сохраняет вес в политическом контексте, в сфере геополитики, но не в связке природа – культура. Отдельно своеобразие культуры, смыслов, образов, конечно, учитывается при исследовании социальной интеграции. Но если в XIX и первой половине XX в. культурная уникальность часто связывалась с природно-территориальными особенностями, то в современной науке данная корреляция ослабевает.

Таким образом, в философских и социальных работах сохраняется более половины смысловых констант о компонентах социального единства, выделенных философами XIX в. Своеобразие рефлексии интеграции в обществе, характерное для России, несмотря на весь радикализм XX в., остается. Но создать модель социального единства с особыми параметрами, связями, механизмами так и не удалось. Социальное единство сохраняет свою таинственность и непредсказуемость. Ни одна теория не может обозначить достаточное количество условий для уверенного поддержания стабильной социальной интеграции.

### *Литература*

Акмалова А. А., Капицын В. М. Роль знаков и символов в обеспечении социального единства // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 31–51.

Ахиезер А. С. Динамика российского общества: вклад в науку / А. С. Ахиезер // Труды. М. : Новый хронограф, 2006.

Барлыбаев Х. А. О философии солидарных отношений // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 37–46.

Веретевская А. В. Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 52–64.

Герцен А. И. Русский народ и социализм. Берлин : Мысль, 1921.

Горелов А. А. Русская идея на пути к духовно-социальному единству // Философия и общество. 2012. № 1(65). С. 162–176.

Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник. 2013. № 12. С. 97–167.

Загирняк М. Ю. Концепт соборности в философии права Г. Д. Гурвича // Философский журнал. 2022. № 3. С. 34–49.

Замараева З. П. Влияние социальной политики на гражданское единство россиян // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 58–64.

Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М. : Изд-во МГУ, 1997.

Киреевский И. В. Критика и эстетика. М. : Искусство, 1979.

Кошарный В. П. Константин Аксаков: философия и социология русской истории // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1(29). С. 92–101.

Кравченко С. А. Гуманистическая концепция Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 3–13.

Кросс Ш., Федотова В. Г. Православие, Вебер и новый русский капитализм // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 41–52.

Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб. : Владимир Даль, 2005.

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М. : Политиздат, 1991.

Полюшкевич О. А. Трансформация социальной сплоченности российского общества: анализ социальных представлений // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 167–173.

Сабиров В. Ш. Русская идея спасения. СПб., 1995.

Сащенко Н. П. Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 22–35.

Сомкин А. А. Диалектика соотносительных категорий: «Социальное единство», «Социальная дополнительность», «Социальная оппозиционность» и «Социальная напряженность» // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. № 3. С. 189–200.

Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Субетто А. И. Наука и общество (ноосферные основания единства). СПб.; Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009.

Тихонова Н. Е. Оптимальная модель социальной политики в массовых представлениях // Социологические исследования. 2006. № 12. С. 9–14.

Туровский М. Б. Предыстория интеллекта. Избр. труды. М. : РОС-СПЭН, 2000.

Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Социальная сплоченность и социальное единство как гарантия внутреннего и внешнего мира и развития общества и государства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2023. № 1. С. 78–88.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. М. : Университетская типография на Страстномъ бульварѣ, 1900.

Юркевич П. Д. Мир с ближними как условие христианского общежития // ТКДА. 1861. № 3. С. 316–326.

Mauss M. Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // L'Année Sociologique, 1ère Année. 1923–1924. Pp. 30–186.